

Из м. Москва. - 1994. - Вечер -

Наперекор времени

с. 5

Выставка Андрея Александровича Миронова открыта в Доме М. Н. Ермоловой. Экспозиция создана Музеем имени А. А. Бахрушина.

Трудно назвать другого актера, который мог бы сравниться с Андреем Мироновым в популярности. Но самое поразительное то, что ради этой популярности он ни разу не поступился высоким вкусом, артистическим достоинством, таким абсолютным интеллигентного человека. Как бы он ни «резвился», как бы ни шалил, куролесил, что бы ни выделывал, ни выкидывал на сцене и на экране, какие бы забавные неожиданности ни дарил нам его неистощимый импровизационный дар — грациозное чувство меры никогда не покидало его. Все его самые смелые трюки, кунштюки, антраша и арабески не только остроумны, но и изящны. Его Чацкий, Дон-Жуан, Фигаро неотразимо умны, но, когда было нужно, этот блестящий ум уступал место очаровательному

Он принес себя в жертву, смеясь

простодушью и легкомыслию, той редкой сейчас непосредственности водевильного актера, которую так ценил и любил Станиславский.

Миронов обладал огромным чувством юмора, причем он умел относиться с этим чувством к самому себе. Его ирония, юмор были выражением не превосходства, а скромности, ибо шуткой он прежде всего снимал преувеличенное отношение к своей особе.

Но рядом с этой легкостью в нем жила огромная серьезность, чувство художественной ответственности за каждый пустяк, который он делал на сцене, каждую песенку, каскадное коленце, любую водевильную ерунду.

Миронов может служить примером истового, фанатического служения театру. Так в старину, в доброе старое театральное время относились к делу Асенкова, Живокини, Давыдов, Мартынов, Савина, Ермолова... Тогда это служение было более важным, чинным, неторопливо ритуальным. Теперь время изменилось, изменились ритмы, стали стремительными, бешеными, изматывающими, но и в этих

сумасшедших ритмах Миронов не терял, не снижал высокого напряжения своей жизни в искусстве.

При его редкой технике, пластичности, врожденной музыкальности, ритмичности, при его заразительном обаянии он мог иметь успех, даже не всегда затрачивая себя до конца. А он, не щадя сил, «выкладывался» до предела. Снимая театральный костюм, он всегда выжимал мокрую рубашку. Миронов мог бы жить, порхая, а он жил, сжигая себя. Жизнь его была веселым подвигом Артиста.

Но старость — это Рим, который
Взамен турусов и колес
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез.

(Б. Пастернак).

До старости было еще далеко, но Судьба уже требовала гибели. Были «турусы и колеса», как из рога изобилия сыпались «шутки, свойственные театру», но приближалась гибель. Миронов шел ей навстречу, улыбаясь, шутя, напевая, приплясывая, пританцовывая. Это была гибель всерьез, несмотря на все его очаровательные прыжки и ужимки. Миронов — это отвага, честь, самоотвержение лицедея, божественное, высокое шутничество, смех сквозь слезы его незабвенного юного Жадова.

Навязала в зубах истина — «искусство требует жертв». Оно прекрасно, но и жестоко. Порой требует не только жертв, но и трагических, смертельных жертвоприношений. Мы обязаны чтить и длить память о тех, кто сгорел на праздничном и мученическом костре искусства.

На открытии выставки в Доме-музее имени М. Н. Ермоловой мать Андрея, Мария Владимировна Миронова, сказала: «У меня было очень много премьер, но эта самая главная, самая важная в моей жизни». Собралось очень много людей, и все говорили не только об Андрее, но и о его замечательных родителях, о легендарной Марии Владимировне, о талантливом, культурнейшем и добрейшем Александре Семеновиче Менакере.

Выставка передает атмосферу театра (гримировальный столик Андрея, его театральные костюмы, реквизит, фотографии) и дома, где он вырос и воспитывался, — книжные полки, старинная лампа, уникальный фарфор, гравюра с видом Петербурга, портреты друзей (я рад, что среди них нашлось место и для моей фотографии). Скульптурный портрет Андрея работы Ю. Орехова, талантливые композиции А. Бржезицкой — задумчивый Фигаро, летящий, словно чудом вспорхнувший Хлестаков...

Выставка сделана с такой любовью и вкусом, что необходимо назвать ее устроителей — научных сотрудников музея Л. Постникову, М. Барскую, Е. Казакову, Р. Островскую и художников Е. Розенблюма, И. Крылова, В. Егорова.

В последней комнате экспозиции находится костюм Фигаро из финального акта. Он украшен богатой, нарядной вышивкой по черному фону и теперь кажется траурным — в этом костюме актер потерял сознание на сцене и умер.

А над ним расположена красивая, таинственная карта планет, на которой обозначена недавно открытая звезда, названная именем Андрея Миронова...

Борис ЛЬВОВ-АНОХИН.